

ИВАН АКСАКОВ

И ЛЮБИШЬ РУСЬ – И
НЕВОЛЬНО
СПРАШИВАЕШЬ СЕБЯ:
ЗА ЧТО ЕЕ ЛЮБИШЬ?

Иван Сергеевич Аксаков И любишь Русь – и невольно спрашиваешь себя: за что ее любишь?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2624925

Аннотация

«Не только редактору столичного журнала, но и всякому столичному общественному деятелю, а тем более деятелю официальному и власть имущему, посоветовали бы мы или, выражаясь проще (обыкновенную у нас русскою формою речи) – указом бы повелели: по крайней мере в два года раз проезжаться по России! Такая поездка освежительна и вразумительна во всех отношениях. Нет надобности обращать ее в следственную экспедицию или задаваться задачею „изучить Россию“, что теперь даже в моде и постоянно на языке у борзой чиновной благонамеренности города Санкт-Петербурга, которая воображает, что, прокатившись по двум-трем провинциям, она, а la Цезарь, пришла, увидела, „изучила“ и решила!..»

Иван Сергеевич Аксаков

И любишь Русь – и невольно спрашиваешь себя: за что ее любишь?

Не только редактору столичного журнала, но и всякому столичному общественному деятелю, а тем более деятелю официальному и власть имущему, посоветовали бы мы или, выражаясь проще (обыкновенную у нас русскою формою речи) – указом бы повелели: по крайней мере в два года раз проезжаться по России! Такая поездка освежительна и вразумительна во всех отношениях. Нет надобности обращать ее в следственную экспедицию или задаваться задачею «изучить Россию», что теперь даже в моде и постоянно на языке у борзой чиновной благонамеренности города Санкт-Петербурга, которая воображает, что, прокатившись по двум-трем провинциям, она, а la Цезарь, пришла, увидела, «изучила» и решила! Впрочем, пусть себе катаются наши официальные и неофициальные Санкт-Петербургские туристы: это все же лучше, чем долгое домоседство в родном «парадизе», как называл свою столицу великий Петр. Мы нисколько не намерены их осуждать за это, – мы говорим о поездках другого рода, с более скромною задачею, или лучше сказать – без всякой

задачи. Нам посчастливилось именно совершить такого рода поездку. Мы обогнули водою и сушию значительный край России, но мы смиренно сознаемся, что мы не утолстили своего портфеля особенно обильным запасом «новых» материалов; мы не привезли никаких готовых проектов о разных «мероприятиях», «долженствующих» служить панацеей от всяческих русских зол; мы не только не вынесли никакого резкого решения вопросам, не только не можем выставить перед публикою целого фронта вопросов-новобранцев, – но вынесли нечто другое: отвращение к большей части наших «вопросов», жалуемых в сей чин журнального властью, и весьма невысокое понятие о могуществе и пользе российского журнального слова.

Право, едва ли не лучше, без всяких особенных задач, просто отдаться непосредственным впечатлениям русской дороги, русской природы, имея взор раскрытым и слух разверстым – смотреть, глядеть, видеть, слышать. Само собой рассеется марево и улетучатся призраки, создаваемые столичного жизнью. Там, в столице, шум наших собственных речей кажется нам нередко отголоском всей России и заслоняет для нас колоссальное безмолвие неизмеримого русского простора; гулом гудят порой наши радостные столичные возгласы поверх вздохов и тихих жалоб народа; стоном стоят порой наши горькие жалобы, упреки и сетования – поверх его веселого и бодрого мира... Мы так деятельны, так заняты, так спешим, так суетимся и возимся, жизнь кипит

и несется на полных парах, – кажется, что и времени не хватает; один за другим решаются вопросы; у нас знание, у нас власть: слушай, да поворачивайся себе, Россия! Но стоит только спуститься по Волге, по Дону, и пустить взор свой на волю – бродить по этим безбрежным равнинам вод, лугов, нив и степей, и незаметно для вас раздвинутся горизонты ваших мыслей и дум, и сами собой вступят и лягут в вашу душу величавые размеры наших пространств и, так сказать, насильно, вопреки всем рассудочным доводам и предвзятым идеям, нередко к собственной досаде вашей, умиротворяет вас русская природа своим мощным миром, своею вещью тишиной... Спадает спесь столичного деятеля, угомоняется прогрессивная прыть, унимается общественно-преобразовательный зуд и проникаешься невольно смирением, пред жизнью, уважением к правам ее органического развития.

И любишь Русь, любишь ее сирую, серую, неловкую, неуклюжую, безобразную, и невольно спрашиваешь себя – за что ее любишь, и исполняешься могучей веры, которой и оправдания не приищет рассудок! Опомнишься, остановишься, начнешь поверять себя, пристально озираться кругом, рассматривать каждое явление порознь, взглядываться в деятельность распоряжающихся и деятельность повинующихся, разбирать жизнь в ее частностях и подробностях... Боже! Как безобразно! И что за однообразие! Какая бедность, какое бессилие, какое невежество, какая пошлость – и глупости, глупости какое разлитое море! И в то же время

сквозь это безобразие проступает пред вашим внутренним взором такая красота ни с чем не сравнимая, – такая величавая красота простоты смиренной и в то же время могучей! Сквозь это бессилие сказывается вам такая исполинская сила духа, такая мощь организма! В этом однообразии такая сила быта, – за эту бедностью столько богатств природных и запасов их на целые веки, – сквозь тьму невежества светит порой такой свет духовный, – сквозь внешние слои пошлости, уступчивости и глупости, – столько разума, столько упорства, столько самобытности и духовной свободы, столько веры, умеющей претерпевать до конца, столько жизненной крепости, способной перемочь и перебыть всякие беды и напасти! И чувствуете вы, что эта развращенная, по общему отзыву, взятками и подкупам, растленная Русь – тем не менее родная, «Святая Русь» и что связаны вы с нею какими-то неисследимыми, забытыми, но в то же время самыми дорогими и заветными связями духа... Попробуйте низойти к жизни поближе – так сожмется иной раз ваше сердце! Скрипит, как немазаная телега, русский народный организм, поворачиваемый бюрократическим проворством, – скрипит и дерет уши немилосердно; но подобно тому, как скрип дорожных колес в степи заглушает русская народная песнь, тихо облегая окрестность, стелясь и в ширь и в даль, и к небу высоко, – так и самый этот диссонанс русской видимой, внешней действительности мало-помалу пересиливает, в вашем слухе, победная песнь скрытых сил внутренней жиз-

ни духа. Да, эта водная равнина Волги, это синее безбрежное море, которым мы еще так недавно любовались на нашем Юге, это другое, также безбрежное зеленое море степей, и над всем этим безбрежный голубой простор неба, всюду открытого взору русского человека, – это однообразие видов и картин русской природы, эта могучая сила однообразия, эта красота простоты и это величие размеров, – когда все это примешь в душу, – такими карликами явятся вам столичные деятели-великаны, такими смешными покажутся затеи и притязания наших реформаторов-прогрессистов, такими оскорбительными и дерзкими их посягательства на свободу народного организма!..

Мы ведь очень хорошо знаем, читатель, что все эти наши слова придутся не по вкусу нашим «позивитистам» (слово, недавно пущенное в ход петербургскою «прессею»). Ведь и в самом деле, оно в некотором роде даже неприлично журналисту – вместо положительных доводов, опираться на непосредственные впечатления и говорить о таких вещах, как природа, да песня, да простор, да духовная красота!.. Это неуместно, это все поэзия, все верование, все пророчествование, скажут они! Могут ли такие вещи служить доказательством внутренней силы, служить залогом благопреуспевания, благоразвития, благоустройства, благосостояния и спешествовать благонамеренным видам и целям просвещенных ревнителей о русском благе?! Презренным взором окинул бы нас редактор какого-нибудь «Times'a», и обильный повод

к глумлению подаем мы нашим собратам по журналистике, особенно Санкт-Петербургским... Но таково положение дел в России, что именно только силою этих непосредственных впечатлений и возможно поддерживать в себе бодрость деятельности: необходима вера в Россию, простая, беззастенчивая любовь к ней; в особенности же необходимо сочувствие духовной стороне ее народной жизни, разумение ее духовного и нравственного идеала, потому что без этого сочувствия, без этого духовного разумения, нельзя настоящим образом ни любить, ни понимать Россию, ни наладить в лад с народными потребностями и народу во благо – свою высокоумную, просвещенную деятельность, – ни сохранить свои силы от надрыва, ни устоять в трудном подвиге служения... Но откуда же однако этот ряд противоречий? Ошибутся читатели, если подумают, что мы возвратились из нашей поездки оптимистами и намереваемся отрапортовать им, что «все обстоит благополучно»!

Мы могли бы отрапортовать им совершенно обратное и до такой степени обратное, что было бы из-за чего прийти в уныние или даже отчаяние, если б рядом с совершенно рухнувшей верой в наш прогресс, в силу и творчество нашей столичной цивилизации, не предлагала нам загадки сама русская жизнь – внушая такую могучую в себя веру и такую силу любви! И вера и любовь покуда, по-видимому, неоправданные, но потому только и неоправданные, что еще не отыскано нами слово этой загадки. В один час, – путе-

шествуя по России, как мы уже сказали, – переживаете вы тысячу противоречивых впечатлений, вопиюще противоречивых: осязаете бессилие и несомненно убеждены в присутствии силы; хотели бы ненавидеть и страстно любите; поражаетесь безобразием, а в душе слагается образ величавой красоты; отыскиваете по частям причины этого безобразия и не находите объяснения, верите в будущее России и не верите в свою деятельность.